

Тюленева Елена Михайловна

Проблема субъекта в контексте постмодернистской теории
«пустого знака»: версия Ж. Лакана

Понятие «пустой знак» является одним из наиболее востребованных в постмодернистской теории и практике, поскольку представляет собой уникальную «формулу», суммирующую характерные для постмодерна тенденции (утрата репрезентативной функции знака, кризис метанаррации, отсутствие или сомнительность трансцендентального смысла и т.д.). Соответственно, актуальным становится изучение генезиса понятия, его теоретического оформления и функционирования. Концепция Ж. Лакана в этом смысле вызывает интерес в двух аспектах: как один из первых теоретических подходов к обозначенной проблеме – во-первых, и в качестве демонстрации специфики современной модели репрезентации на примере кризиса субъективности – во-вторых.

Психоаналитическая теория Жака Лакана, находясь в пространстве структуралистских идей, вместе с тем послужила основой для развития постструктуралистской мысли. В первую очередь речь идет о пересмотре сосюрговской концепции знака, впоследствии развитом и закреплённом Ю. Кристевой и Ж. Деррида (теория «следа»). Предложенная Ф. Соссюром и довольно долго определявшая лингво-культурологическую мысль XX века теория «целостного» знака, представлявшего взаимообусловленное единство означающее-означаемое, в лакановской версии сменяется идеей разрыва заданного единства, обособлением означающего. Именно Лакан вводит актуальное понятие «скользящего», «плавающего» означающего.

Необходимо заметить, что лакановская концепция не была в прямом смысле революционной, хотя и воспринимается таковой в современной науке. Скорее она предстает своеобразной деконструкцией идей Соссюра, поскольку означающее у Соссюра, в принципе носящее произвольный ха-

рактика, в поздних работах толковалось все более расширенно, соотносясь с множественностью, радикальной неразрешимостью, разрушающей заданные коды обозначения, «изолированным словом» и т.д. И первым шагом Лакана стала актуализация понятия «дихотомия» означаемого и означающего, в психоаналитической практике позволившая ему разведение содержательного компонента и языка как формы. Работая с речевым потоком пациента-невротика, в котором означающее, как правило, оторвано от означаемого, а означаемое «скользит, не соединяясь с означающим» [1.47.], Лакан сталкивается с выпадением целых блоков означаемого, их утратой из сферы сознания. Это позволяет ему сформулировать направление действий психоаналитика (структурного психоанализа в целом). Это действие должно состоять в исследовании структуры речевого потока на уровне означающего, совпадающего со структурой бессознательного. Таким образом, Лакан отождествляет бессознательное со структурой языка, тем самым текстуализируя бессознательное.

Модернизируя фрейдизм, Лакан в основе психоанализа видит не противопоставление сознательного и бессознательного, а несовпадение сознания и психики, или нетождественность субъекта и его «Я». Для него принципиально несовпадение, расхождение знаний-представлений субъекта о себе и того, чем он «на самом деле» является. Обнаруженный разрыв воспринимается как пробел (пустота), который, собственно, и нуждается в заполнении. Заполнение реализуется на практическом уровне – как воссоздание в процессе психоанализа утраченной структуры, конструкции личности, и на теоретическом – как реализация триединства «реальное – воображаемое – символическое». По мысли Лакана, этот трехчлен является первоосновой бытия, а взаимоотношениями компонентов описывается человеческая природа, или своеобразная структура психического, которую он пытается смоделировать. Реальное, воображаемое и символическое, по сути, соответствуют фрейдовской модели: оно – я – сверх-я соответствен-

но, а бессознательное символическое противостоит сознательному воображаемому.

Но интерес представляет не столько лакановская феноменология психического, сколько обнаружение французским психоаналитиком неких пустот, недостаточностей, зияний и рассмотрение их в качестве элементов созданной конструкции. В его интерпретации «поверхность реального» словно пронизана «дырами, пустотами бытия (речи) и ничто (реальности)», в которые с верхнего уровня символического посредством языка попадают слова и символы. А воображаемое появляется как компенсация изначальной нехватки реального. В отличие от «реальности», формирующейся только в результате прохождения субъектом порядков воображаемого и символического, «реальное» рассматривается как абстрактная, исходная и потому невозможная для субъекта данность. Это некая органическая полнота, которую метафорически можно представить как пребывание младенца в материнской утробе, слитность-отождествление с телом матери, материнской «Вещью». Рождение человека и возникновение его как феномена происходит в месте разрыва с реальным, следовательно, связь человека с природой с самого начала искажена наличием в «недрах его организма» неких «трещин», «изначального раздора», отсюда необходимость плана воображаемого, компенсирующего и восполняющего это зияние. Результатом подобного взаимодействия реального, воображаемого и символического становятся человеческие страсти и состояния. Иначе говоря, местом возникновения последних являются стыки, грани; механизмом – заполнение пустот, а психоанализ, соответственно, имеет дело с основополагающей недостаточностью, зиянием на уровне цепи означающих.

Имея дело с бессознательным, Лакан в частности и психоанализ в целом на этом этапе переносит акцент с готового, законченного на не оформленное, не установленное, нереализованное. Те пласты бессознательного, которые фиксируются сознанием, могут быть эксплицированы

лишь в виде амбивалентных и неустойчивых образов, ненормальных и безобразных с точки зрения готового, оформленного бытия. Поскольку очевидное здесь подвергается сомнению, а уверенность трактуется как источник заблуждений, в центр перемещается «загадочность», вопрос, а не ответ. Именно загадка определяет человеческую жизнь, человеческое поведение. Загадка отсылает к некоей системе означающих (к символическому уровню), она же обнаруживает в этой системе «брешь», поскольку строится на принципиальном расхождении символического и воображаемого уровней: то, что может быть воспринято, осознано, рассказано другому, понято другим (воображаемый уровень, к которому относится формулировка загадки), вовсе не достаточно для нахождения разгадки [7]. Обозначившаяся «брешь», с одной стороны, имея символическую природу, придает человеческому существованию некий смысл, больший, чем естественное физическое проживание жизни. А с другой – становится источником желания, приписывающего центральное значение во всем человеческом опыте зиянию, «недостающему-к-бытию» (*manque-a-etre*).

Определение места желания в структуре человеческого существования заставляет Лакана рассматривать свойство субъекта «быть» в связи с «недостающим-к-бытию», которое является подлинным источником любого движения. Соответственно, смысл, появляющийся на уровне цепочки означающих, фиксирующийся сознанием, диктуется на самом деле только тем, что оттуда устранено, и поэтому реальное субъекта предстает всегда как скрытое от самого субъекта означающее. Именно в психоанализе противопоставление означающего и означаемого становится наглядно-очевидным: активность означающего в интерпретации означаемого оборачивается переходом означающего в статус означаемого, подменой базового и вторичного, непреодолимым разрывом между означающим и означаемым.

Из идеи разрыва возникает понимание дискурса как дискурса языко-

вой расчлененности, которая свидетельствует об «умерщвлении» реально-го объекта, но с другой стороны – дает возможность повтора, а соответственно, в перспективе – восстановление утраченной связи. Метаморфозы, происходящие в структуре знака, Лакан определяет метафорически как формирование «наличия, сотворенного из отсутствия» или «убийство вещи». При этом он имеет в виду тенденцию языка (или сознания), обусловленную развитием цивилизации, замещать конкретный, но в момент коммуникации отсутствующий, объект неким условным обозначением. Таким образом, символ «убивает вещь», которую он замещает, и означающее на абстрактно-теоретическом уровне фиксирует принцип «наличия отсутствия» означаемого. Эта мысль станет весьма популярной в постструктурализме, и в дальнейшем Деррида и Кристева будут трактовать знак как «отсутствие объекта». Но в данном случае важна лакановская актуализация идеи отсутствия, а также овещствления (фиксации в наличии) отсутствующего объекта. Перенос акцента с абстракции на телесность явления хотя и не получил у Лакана теоретического развития, поскольку его мысль в принципе направлена скорее в практическое русло и не ориентирована на концептуальность, тем не менее может рассматриваться как момент экспликации нового сознания и новых подходов к его изучению. И Лакан обнаруживает это предельно наглядно: ребенок, начиная говорить, делает это из потребности-желания восполнить недостаток отсутствующего объекта, замещая это отсутствие именем-называнием («Само отсутствие и порождает имя в момент своего происхождения» [8.65.]).

Рассматривая лакановскую концепцию знака, нельзя не заметить очевидную психологизацию собственно структуры знака, однако здесь есть и обратная сторона – концепция личности у Лакана строится на основе знакового, языкового сознания. По Лакану, этот подход определяет специфику современного восприятия человеческого сознания. Если исходить из того факта, что не только сам человек является говорящим, но в человеке и

посредством человека говорится (проговаривается) нечто (бессознательное, культура, опыт), то человек начинает представлять собой некий комплекс явлений, обнаруживающих структуру языка. Исследование структуры речевого потока на уровне означающего (в чем, собственно, и видит исследователь задачу психоанализа, тем более что «среда у него одна: речь пациента» [5]) будет совпадать со структурой бессознательного. В творческом плане речь соотносится с символической функцией психического, и поскольку она первична по отношению к бытию и сознанию, речь здесь проявляет свое креативное начало и, называя понятия, порождает вещи. Вместе с тем речевая активность, выражение себя посредством речевой деятельности обнаруживает принципиальную базовую зависимость субъекта от воли Другого [3.69.]. Причем чаще всего этот Другой представляет собой не другого человека, а «другое Я», внутреннюю бессознательную составляющую субъекта, обращение к которой и образует структурные связи. Чем более недостижимо Другое, не осознаваемо и не выводимо на поверхность, тем отдаленнее от него означающее, выведенное в речи. Речь, таким образом, в равной степени становится и способом выражения субъекта, и средством самообмана. Будучи призывом, обращением к Другому, своеобразным «запросом любви», речь, по Лакану, предстает неким заполнением отсутствия, утверждением человеком своего свойства «быть».

Выступая на Римском Конгрессе 1953 года с докладом «Функция и поле речи и языка в психоанализе» [5], Лакан специально останавливается на проблеме пустой и полной речи в психоаналитической реализации субъекта. Пустая речь в данном случае рассматривается либо как молчание пациента, либо как непреднамеренный обман, когда «субъект производит впечатление говорящего о ком-то другом, кто похож на него до неузнаваемости, но решительно не способен усвоить себе его желание» [5]. И хотя пустая речь скрывает истинный смысл (вытесняя из сознания субъекта означаемое), именно с ней нужно работать, это своеобразный зов пустоты, за

которой находится то, о чем пациент умалчивает и чего взыскует, – «истина в ее основании». Несовпадение высказывания и реальности, оказавшейся по ту сторону речи, приводит Лакана к необходимости обратиться к феномену означающего. В этом случае любая ситуация замещения в аналитической практике предстает в виде текста, который в свою очередь посредством метафоры и метонимии реконструирует исходное желание, лежащее по ту сторону цепи означающих.

Сколь бы пустым дискурс ни казался, он таков лишь на поверхности. Здесь Лакан вспоминает пример Малларме, сравнивавшего повседневное употребление языка с хождением монеты, у которой чеканка на обеих сторонах давно стерлась и которая переходит из рук в руки «в молчании». Даже ничего не сообщая, дискурс демонстрирует существование коммуникации. И с другой стороны, отсутствие речи «обнаруживает себя в стереотипах дискурса, где субъект не столько говорит, сколько сказывается», поскольку бессознательное, выходя на поверхность, облекается в окаменевшие стандартные формы. Не останавливаясь подробно, Лакан в двух словах очерчивает проблему, на которой позднее будет настаивать постмодернистская мысль: «даже отрицая очевидность, он [дискурс. – Е.Т.] утверждает, что слово конструирует истину; даже имея целью обман, он играет на вере в свидетельство» [5], – проблему несамотождественности и симулятивности слова.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что при подобном подходе пустая речь не только становится предметом работы психоаналитика (неким промежуточным этапом в достижении реальности), но в какой-то момент оказывается самодостаточной, потому что механизмы ее создания-проявления гораздо сложнее, а процесс работы с ней более длителен, чем достигаемая цель. Происходящая переориентация человеческого сознания и, как следствие, деятельности с результата на процесс вряд ли принципиальна для Лакана, но уже ощутима как устанавливающаяся тенденция.

Рассматривая язык как некое детерминирующее субъекта начало, Лакан стирает границу между «Я» и обществом, поскольку именно усвоение языка формирует социального субъекта. А в качестве социального существа человек попадает в поле деятельности разного рода дискурсивных практик. И в этом смысле он детерминирован дискурсом даже больше, чем языком: «Конечно, субъект может показаться рабом языка, но еще больше рабствует он дискурсу, в чем всеохватывающем движении место его – хотя бы лишь в форме собственного имени, предначертанного с самого рождения» [2.157.]. Вписываясь в дискурс и рождаясь как его проявление, лакановский человек предстает субъектом, расщепленным в той мере, в какой расщеплен современный дискурс, обусловленный подвижностью связи означаемое-означающее и в конечном итоге оторванностью означающего от означаемого. Поскольку человеческие страсти и, как следствие, события жизни строятся из взаимодействия символического, воображаемого и реального, постольку субъект возникает на стыке взаимодействия оторванных от означаемого означающих, из дискурсивных пустот и непосредственно в них. Показательно, что, расщепляя субъекта, дискурс вместе с тем предстает в качестве необходимого условия его существования. Так заходит речь о децентрированном субъекте, «дивиде», фрагментарности как базовом качестве современного существования.

Анализируя процесс становления субъекта, Лакан использует метафору зеркала, обозначая границу, отделяющую план реального от плана виртуального, воображаемого. И более конкретно «стадией зеркала» он называет возраст 6 – 18 месяцев, когда ребенок начинает узнавать свое зеркальное отражение. Это событие рассматривается им как первый факт идентификации, конституирующий субъекта и одновременно дезинтегрирующий его. Самоотождествление с объективным внешним образом реализуется в узнавании, своеобразном вписывании в «пространство вещей», определении собственных телесных границ в пространстве реальности.

Вместе с тем на «стадии зеркала» обнаруживается глубокая трещина, изначальная нехватка, присущая человеку, являющаяся источником децентрации субъекта, поскольку здесь возникает Я (moi), некий призрачный центр, который одновременно определяется как «мое Я» и «Я – это другой». Этот разрыв и становится, по мнению Лакана, источником и основанием для всех последующих идентификаций субъекта на пути формирования его «Я»: с этой первой встречи человек оказывается пленен образом Другого, дальнейшее его движение будет стремлением к достижению единства, отождествления с Другим – Другим, представляющим иллюзию целостности. Таким образом, собственная целостность станет вечно исковой потребностью, некой опережающей (предзаданной) тождественностью, с очевидным постоянством приводящей к ощущению отчуждения: ориентируясь на единство Другого, человек начинает переживать себя самого как желание, но желание невыполнимое. [4.71-73.]. В этом контексте Я (moi), по Лакану, существует как пустая форма до тех пор, пока не научится узнавать себя посредством символического и под влиянием Другого не перейдет в Я (je), начав функционировать в пространстве воображаемого. До той поры Я (moi) – это образ недостающей целостности, а целостность субъект видит вне себя, руководствуясь желанием «быть таковым, как ...».

Двусмысленность отношений «Я-идеала» и «собственного Я» снимается субъектом посредством самофетишизации [6]: идентифицируясь с зеркальным образом, он обретает уверенность в первичности «собственного Я» по отношению к зеркальному образу и, соответственно, в его реальном существовании «по эту сторону зеркала». Таким образом, механизм фетишизации приводит к фиктивной самоочевидности. Субъект, осуществив (как ему кажется) самоидентификацию, приняв на себя свойства объекта (подобно другим, видимым им вещам), начинает верить в изначально присущую ему самотождественность и способность к самоописанию.

Эту иллюзию субъекта можно, по мнению Лакана, преодолеть в аналитической ситуации. «Ибо в работе, проделанной им [субъектом. – Е.Т.] по его воссозданию для другого, он открывает изначальное отчуждение, заставляющее конституировать это своё существо в виде другого, и тем самым всегда обрекавшее его на похищение этим другим» [5]. Именно в отношении субъекта к себе как к другому видится психоаналитику основание бытия человека и тайна его конституции. Уже на первых этапах формирования субъективности человек имеет дело с ситуацией отчуждения. Но отчуждение от себя наряду с негативными последствиями ложной самоидентификации может рассматриваться как результат включения в структуру личности элементов другой структуры, внешней и в другом режиме существующей, – культуры, некой квинтэссенции Другости. В результате человек сталкивается с Культурой не только в момент обнаружения запретов и ограничений его желаний, но становится участником и творцом этого, в том числе и ему принадлежащего, пространства.

Иначе говоря, субъект в интерпретации Лакана представляет собой «становление», в реальном, единовременном «живом и настоящем» найти его оказывается невозможно. Поскольку процесс становления в свою очередь исходит из феномена «нехватки бытия», субъект формируется тогда, когда замещает пустоту симметрического несовпадения отождествлением с зеркальным образом. Однако отождествление это всегда мнимое, а потому несвершающееся и незавершающееся. В результате современность имеет дело с фрагментарным, расщепленным, лишенном целостности человеком. Его «Я» никогда не может быть определено, поскольку находится в постоянных поисках самого себя, не может быть тождественно какому-либо своему атрибуту и презентует себя лишь посредством Другого, или шире – дискурса.

Начатая Лаканом критика референциальной концепции знака, а также предложенные им идеи вербальной артикуляции любой формы бессоз-

нательного, панъязыкового существования личности и последующей децентрализации субъекта послужили основанием для постмодернистской теории пустого знака, ориентированной на восприятие семиотических сред как самодостаточной реальности, не обусловленной внетекстовыми феноменами и ставящей под сомнение стабильность таких категорий, как значение и смысл.

Библиография

1. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда // Московский психотерапевтический журнал. – 1996. – № 1. – С. 25–55.
2. Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда. Перевод с франц. // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М.: "Логос", 1997. С. 148–183.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. Перевод с франц. М.: "Гнозис/Логос", 1998.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: "Гнозис/Логос", 1999.
5. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 года // [http:// www.teneta.rinet.ru/rus/le/lakan.htm](http://www.teneta.rinet.ru/rus/le/lakan.htm)
6. Мерзляков А.В. Субъект у Лакана в аспекте проблемы демаркации // http://www.ppf.uni.udm.ru/RPO/pa/book_Cogito3/cogito_Merz.html
7. Титова М. Читая Лакана: реальное субъекта // <http://www.anthropology.rinet.ru/old/5/titova.html>
8. Lacan J. *Ecrits: A selection*. L., 1977.